

В Сибирь из Брянска пришло письмо:

«Здравствуйте, Родион Иванович!

Пишут Вам поисковики отряда «Слава героям» школы № 36. Мы с радостью узнали, что Вы живы, а Ваше имя отлито на чугунной плите, которая стоит на братской могиле в селе Бобровое. Вы воевали в отряде истребителей танков, и теперь у нас задача узнать, а кто же похоронен вместо вас? Мы знаем, что был взвод из тридцати человек, а осталось в живых восемь, знаем всех по фамилиям.

Приглашаем Вас к нам в гости. Мы свозим Вас к обелиску, и, может быть, Вы внесёте ясность, и ошибка будет исправлена.

*С уважением, школа № 36. Музей.
Апрель 2015 года».*

Родион Иванович едва дочитал письмо. Слезы застлали глаза.

В это время в комнату вошла внучка с кружкой воды. Она сразу поняла ситуацию:

– Дед, ты что, опять расстраиваешься? Тебе нельзя, побереги сердце. Тебя полечили, чтоб ты жил, а то в Москву на День Победы не съездишь. На вот, выпей водички и успокойся... Дайка я почитаю, что там пишут.

Внучка взяла письмо, прочитала и как-то вся подобралась. Подумала: «Ничего себе сюрприз», а вслух сказала:

– Вот радость-то! Там тебе памятник сколько лет стоит, а ты жив-здоров. Не плакать надо, а радоваться. Я вот рада-радешенька. Бывает же такое! Счастливый ты, дед, и мы с тобой вместе. И что теперь делать? Поедешь, что ли? Тебе уже за девяносто. Выдержишь ли?

Родион Иванович вытер глаза, высморкался и ответил:

95 – Поеду, обязательно поеду. Надо поставить справедливую точку и честь отдать тому, кто заслужил. Я постараюсь.

Внучка вышла из комнаты с письмом и пошла к мужу держать совет.

Муж в гараже помогал сыну ставить мотоцикл на ход. Она зашла. Сына не было, уже укатил.

– Вань, на-ка, прочти. Что думаешь?

Муж взял письмо, долго читал, потом посмотрел конверт и сказал:

– Да-а... кандибобер. И что дед говорит?

– Говорит: «Поеду», – и плачет. Боюсь, не доедет.

– Доедет, и всё будет путём, – заверил муж. – У тебя дед – герой. Давай-ка мы Родьку отправим сопровождающим с дедом, побывает в Брянске, парад посмотрит. Москва-то хороша теперь.

– Ой, Вань, я что-то боюсь. Отправим старого и малого, как бы чего не вышло.

– Всё будет хорошо. Ты же знаешь нашего Родьку. Парень разумный, не зря в честь деда назвали. Ему эта поездка будет памятью на всю жизнь.

Родька лихо подрулил к воротам гаража. Взглянул на родителей и спросил:

– Что-то случилось?

Мать надёрнула улыбку и заверила:

– Нет-нет. А не хотел бы ты поехать с дедом в Москву и ещё в Брянск? В качестве сопровождающего?

Сын сразу смекнул:

– А это надолго?

– Ну, где-то на неделю, – ответила мать.

– А как же школа? – спросил Родька.

Мать, не мешкая, ответила:

– Да тут все майские праздники. Что пропустишь – наверстаешь.

– Да я с удовольствием! Вот друзьям скажу – враз облезут! – Родька развернул свой мотоцикл и погнал к друзьям.

Сборы были серьёзными.

Против такого сопровождающего запротестовали в военкомате. Но в области дали добро. Выезжали из областного центра с общим руководителем и даже врачом. Играла музыка. Было много провожающих. Всё очень торжественно. И наконец поезд тронулся.

Ехали весело, шумно. Родион Иванович ходил в соседнее купе играть в карты. Родька лежал на верхней полке и смотрел в окно. Много снимал на камеру. Особенно его поразил памятник Салавату Юлаеву, башкирскому народному герою. Он сделал несколько удачных снимков.

Так незаметно доехали до Москвы. Столица встретила шумно. Из всех динамиков звучала музыка. Кругом флаги и транспаранты. Их разместили в гостинице. Всё было учтено. Забота исключительная. Родька даже смущался, а прадед принимал всё с достоинством. Поездили по Москве с экскурсиями, поглядели.

На другой день уже парад.

Утром встали рано. Ветеран надел парадный китель и спросил у правнука:

– Ну как?

Паренёк смотрел не отрываясь и думал: «Какой же у меня прадед красивый и бравый, не хуже генерала! Не стыдно с ним погулять по Москве. Он умный и внимательный, никогда не скажет что-нибудь невпопад. Говорит, как профессор, выглядит, как генерал – есть на кого равняться».

В вестибюль спустились на лифте. Там толпился народ – ветераны и какие-то молодые люди. Это оказались волонтеры. Они организовывали ветеранов в группы, рассаживали в автобусы и отвозили к Красной площади. Там всех распределяли, кого куда. Родион Иванович устроился на трибуне, рядом Родька, осматривает всё внимательно.

По площади ровным порядком выстроились войска. Над площадью стоял гул. И вдруг всё замолкло. Откуда-то появился президент, его сопровождали несколько человек. Только они присели, зазвучали фанфары. Начался парад.

Парад длился недолго. Долго добирались до гостиницы.

От всех предложенных угощений Родион Иванович отказался, а Родька молча сожалеет и глотал слюнки. Да... Он с удовольствием бы посидел за хорошим столом.

Когда зашли в гостиницу, старший Родион, едва сняв китель, рухнул на кровать. Надо было отдохнуть. Ночью у них поезд до Брянска.

До Брянска ехали недолго. Там, в Европе, города и посёлки рядом, не то что в Сибири. Родька глядел в окно и всё размышлял. Когда рассветало, уснул. Родион Иванович разбудил его на подходе к Брянску. Надо было сдать бельё и собраться:

– Вставай, парень, пора умыться.

В Брянске их встретили школьники с цветами. С ними находился учитель. Он и был руководителем поискового отряда «Слава героям». Привезли в свою штаб-квартиру. Это был школьный музей. Все здесь посвящено Великой Отечественной войне. На расставленных стульях сидели школьники и местные ветераны. Школьники прочитали литературную композицию. Хор ветеранов исполнил несколько патриотических песен. Затем одна женщина обратилась к Родиону Ивановичу. Поздравила его с Днём Победы и поблагодарила за то, что он приехал.

А Родион Иванович всё время был каким-то отрешённым. Чувствовалось, что ему в тягость это мероприятие. В мыслях он находился уже там, у памятника.

Наконец всё закончилось, и им подали микроавтобус. К памятнику поехали несколько человек: руководитель поискового отряда, заведующая музеем, представитель военкомата и фотокорреспондент местной газеты. Ехали целый час по хорошей дороге, а потом ещё полчаса по просёлочным грувьям.

Микроавтобус остановился под большим развесистым дубом, рядом с которым стоял обелиск с красной свежевыкрашенной звездой. У основания прикреплена чугунная плита с фамилиями павших.

Первым к обелиску подошёл Родион Иванович, под руку его поддерживал правнук Родька, а сзади шли все остальные. Без труда ветеран прочёл фамилии и, запрокинув голову, долго стоял молча. Всем казалось, что он глядит в небо, а он таким образом сдерживал слезы. Справившись с эмоциями, отчётливо сказал:

– Я знаю, кто похоронен вместо меня, но надо проверить. Когда меня ранило, я отдал все документы и письмо для родных старшине. Фамилия его Мезинцев, а имя – Никанор. Он тоже сибиряк, с Алтая. Сделайте запрос, вернулся он с войны или нет. Его могли похоронить под моей фамилией из-за документов. Тогда шибко разбираться некогда было. И ещё я помню, что он называл село Солтон. Раз вы поисковики, вот вам и карты в руки.

Старик погладил обелиск и сказал:

– Скоро встретимся, братцы!

Резко повернулся и пошёл к машине.

Домой ехали всё больше молча. Родька в поезде познакомился с девочкой и много с ней общался, а Родион Иванович ушёл в себя. На вокзале в Новокузнецке их встретили родные. Родька был рад, что папа и мама приехали из посёлка за ними на машине. А дед без эмоций сел в машину и молча доехал до дома. Только входя в дом, промолвил:

– Хочу в баню!

Внучка затопила баню и взялась готовить праздничный ужин, чтобы дед и сын поняли, как их любят и ждут дома.

Родька убежал к друзьям поделиться впечатлениями от поездки. Родион Иванович лежал на кровати, закинув руку за голову, и о чём-то напряжённо думал. Из этого состояния его вывела внучка, сообщив, что баня готова. Он встал, открыл шкаф, взял бельё, полотенце и пошёл мыться. Когда вернулся, сказал:

– Меня не беспокоить.

Внучка удивлённо глянула на него и спросила:

– А как же ужин?

Дед повторил:

– Меня не беспокоить.

Женщина пожала плечами:

– Ладно.

Родион Иванович зашёл в комнату, плотно прикрыв дверь, поменял простынь и наволочку и лёг.

Утром женщина сказала мужу:

– Пойди позови деда завтракать.

Он пошёл и через минуту крикнул:

– Таня, иди-ка сюда!

Войдя в комнату, она поняла, что дед не дышит. Он лежал ровно, руки на животе, на лице абсолютный покой и уверенность, что он всё сделал в этой жизни. Таня прислонилась к мужу, и её плечи задрожали. Иван положил ей руку на голову и утешал:

– Не плачь, Танюша! У нас остался сын, это его продолжение. Вот ведь какой был человечиче. Не будем пока говорить Родьке, пусть идёт в школу. У нас теперь много забот. Я вызову врача и милицию, а ты обзванивай родственников. Да, надо не забыть сообщить в военкомат и совет ветеранов. Его там уважали.

Родька, ничего не подозревая, убежал в школу. Ну а родители начали подготовку к похоронам. Всё в доме ожило: задвигались туда-сюда какие-то люди, подъезжали и отъезжали машины.

В обед с шумом влетел в дом Родька. Его в школе спросил учитель:

– Что, у вас дед умер?

Родька ответил:

– Да нет, живой.

Учитель продолжил:

– А... так ты ещё не знаешь. Умер, умер. Ты иди домой.

Родька сорвался с места и побежал домой. Только повернув на свою улицу, понял: учитель сказал правду. Во дворе было много народу, и около входной двери уже стояла крышка гроба. Он остановился, сделал несколько глубоких вздохов и, глядя в небо, сказал себе:

– Держись, Родион, держись!

Так говорил прадед в трудные минуты жизни.